

Родословная и краткое жизнеописание гражданина М. М.

Щадя чувства близких, фамилию опускаем

Еще не так давно в Одессе на улице Старопортофранковской угол Торговой стоял длинный одноэтажный дом под непривычной взгляду желтой черепицей и с выпученными от старости окнами. Вросшие в тротуар мраморные тумбы у въезда во двор предохраняли от цепных бортов пароконных биндюжных площадок его стены из хрупкого ракушечника.

По всему по этому очень могло быть, что первые его обитатели через забрызганные дождем стекла видели со склоненными выями волов, влекущих этой улицей по ступицы в грязи крытые рогожей провиантские подводы, а под рогожей бочонки оливок и плетенные из тростника корзины, а в корзинах переложенные сырым хлопком синего стекла пузыри ямайского рома с длинными шейками, закупоренными сомбреро сургуча.

Они покидали беспопылинную зону порто-франко.

Моряющая холодная осыпь скрывала от них разгул царицей Екатериной приобретенной Новороссии, а на ней трезубец дорог: на Гадяч, Нежин и Сумы.

А еще до того желтоватой пухлости августейшая ее ручка поманила из душных гетто шляхетских Самбора и Бялостока новых своих подданных, "жидовски сподиченство", на волю этих степей. В том числе Мордку.

По законам праотцев, это библейское имя переходило из поколения в поколение, пока печать госЗАГСа на бланке с серпом и молотом не пришлепнула узаконенное марками регистрационного сбора "свидетельство" о рождении нашего героя.

За ним последовало безмятежное детство, прерванное Великой Отечественной войной. С ее началом отец отправил жену с сыном из прифронтовой Одессы в эшелоне с промышленным оборудованием на восток, а сам с легким сердцем отправился на призывной пункт, и тем счастливо переложил заботы о семье в непростых условиях советского быта на наркомат обороны.

Но к месту формирования он не доехал. Не совладав с селедкой и черными сухарями солдатского сухого пайка, этот не молодой уже мобилизованный был с приступом застарелой язвы вынесен из воинской теплушки

на перрон одной из станций Ростово-Сталинградской железной дороги, где и скончался.

А не слишком образованная мать пошла ради сына мойщицей (но не водой!) на эвакуированный в Сызрань номерной завод с закрытой столовой и полагающейся на вредных работах хлебной карточкой литеры "Л".

Науки не было на бледной палитре его дарований, зато природа — или папа Мордка — наделила этого мальчика легким характером, а от мамы ему достались антрацитового блеска тугие барашковые полукольца до бровей. И не только его соседка по парте перебирала их вспотевшими пальчиками в сладком девичьем сне.

Кое-как закончив сызранскую школу, он с освобождением Одессы поехал выселять из своей квартиры временных ее жильцов, так несчастливо для них проверяемых тогда органами как лиц, побывавших в фашистской оккупации. Члену семьи пропавшего без вести красноармейца, ему это удалось.

Со вселением на отвоеванную площадь из одной комнаты с ходом на улицу через коридорчик и брошенными прежними жильцами тахтой на ящиках и ненадежным стулом Миша неожиданно обнаружил в себе не такие уж редкие людские страсти, а на каждом углу — возможность их удовлетворить.

В то первое послевоенное лето в Одессе еще оставались открытые в оккупацию торгующие вином в разлив бodeги. Предчувствуя скорый конец, их владельцы спешили опорожнить бочки молодого вина и наполняли им стаканы по цене газированной воды.

Баснословное это время расцветивалось второпях сброшенными на Мишкин стул трофейными юбочками всех национальных цветов стран поверженного фашистского блока.

Но открылось Мишке, как было бы теперь не к месту присутствие даже родной мамы. И тут, как и отцу в свое время, ему повезло. Прославленный авиазавод переселил труженицу-мойщицу из барака в самостоятельную комнату отпущенного с концом войны в родные места специалиста. Эти долгожданные квадратные метры оставили ее в Сызрани.

С наступлением зим Михаил ради хлебной карточки поступил в пивной техникум. Окончил он техникум уже в другое время.

Невозвратные потери Великой Отечественной войны кое-как заменила новая поросль, и девочки предпочли ее легкомысленному Мишке. Пиво же не вино, которому госторг вернул настоящую цену. Предстояло что-то придумать.

Тогда дружба народов еще не успела на сто процентов вернуться

в освобожденную от оккупантов Одессу, и непринадлежность к коренной национальности ставила известные препятствия в смысле устройства в некоторые учреждения. Неравнодушная к интересному бронеуту паспортистка нашла пути избавить Мишку от отчества "Мордкович" и неудачной фамилии и заодно вписать в его паспорт подходящую национальность.

Стряхнув с ног прах предков, с нормальным паспортом Михаил направился в гормилицию Одессы. Оттуда он вышел бригадиром ночных сторожей. А на толчке приобрел почти милицейское обмундирование. С тех пор подковки его хромовых сапог, а в них вправлены галифе синего цвета, зазвенели на камне лестниц в винные погребки, охраняемые его сторожиками.

Дородные тети в халатах в винных разводах на неохватной груди охотно наливали симпатичному молодому бригадиру полный стакан. Сторожихи же по бабьей жалости делились со своим начальством кочанами горячей, натертой салом и посоленной кукурузы. Они приносили ее на смену в кастрюлях, завернутых в полотенце, чтобы не ушел пар. После чего он имел обыкновение спать в жарко натопленной дворницкой. К концу смены те же сторожихи его будили. Поставив против каждой птичку в книге учета, он отпускал их.

Возвращался домой и валился на тахту досыпать. Молодой сон долог, особенно зимой в помещении с холодной голландкой. Уже синели за окном сумерки, когда он вставал. Стоически брился, окуная помазок в холодную воду. Умыться он не решался. Смочив ладони "Тройным" одеколоном, он шлепал ими по щекам, налив на полотенце, вытирал шею и им же полоскал рот. Надев на себя уже упомянутые галифе, а зимой еще серый милицейский плащ с пустыми гражданскими погончиками и цигейковую ушанку, он выходил из дома. Колочий ветер дул с моря. Он обжигал лицо и уносил по Старопортофранковской остатки сна. Наступал его коронный час.

Надо знать, что солнечная Одесса манит во всякое время года жителей сурового Севера. О том, что ветер с моря и гололед не многим лучше, скажем, сызранской метели и снежных сугробов, помнят из учебника географии немногие. Остальные входят под высокие своды гулкого зала ожидания вокзала "Одесса-пассажирская" с самыми радужными надеждами. Но очень скоро, кое-как преодолев ветер, сталкиваются с домохозяевами, предлагающими раскладушку на застекленной веранде.

Где взять такого Бальзака, который, обвенчавшись в Бердичеве, по дороге домой сделал бы крюк на Одессу, чтобы описать смятение и страх незначительных машинисток, учетчиц, нормировщиц и т. д., отправляемых

зимой в 12-дневный отпуск с отпускными покупательной способности от мэйкап "фром Олей" до бикини "мэйд ин Итали" на одесском толчке! Вернувшись в теплый вокзал без спасительной временной прописки.

В эту роковую минуту перед ними появляется Мишка. Со стороны можно видеть, как он небрежно вскидывает руку к ушанке, как жертва испуганно подымается со скамейки, нервно роется в сумочке и вынимает паспорт. Мишка не спеша листает его страницы и кладет паспорт в карман. Что сказано при этом, издалека не слышно. После этого девушка неуверенно идет к выходу, а за нею следует милиционер с усиками. Сойдя с трамвая, Мишка галантно пропускает в коридорчик гостью и закрывает за собой дверь.

Он зажигает в комнате свет. Все еще не решаясь переступить порог, гостя замечает спускающийся с темного, как грозовая туча, потолка мохнатый от пыли шнур, и на нем лампочку в засиженной мухами чашечке тюльпана. Обращают также на себя внимание бегущие по стенам наружные провода на мраморных роликах и железный выключатель тех годов, когда улица в Одессе называлась улицей Троцкого, а папа Мордка брил наголо голову и носил косоворотку, подпоясанную витым шелковым шнуром с кистями. Но по юному возрасту она не может дать этим вещам верное толкование.

Ее охватывает блаженное тепло. Настоящего тепла в Мишкиной квартире быть не могло, но отсутствие ветра вызывало его эффект. Его не могла развеять даже подушка на тахте с мазками, смахивающими на следы раздавленных клопов.

Но и случалось, что эта подушка (а что же еще!) вызывала оторопь, и гости, забыв, что их паспорт находится в Мишкиных галифе, решительно шли к двери. Тогда Мишка останавливал их грозным напоминанием.

К ночи, когда приходило время идти на работу, он подымал их с ложа, возвращал паспорт и сажал на трамвай о прощальным "Пока!".

Несмотря на такое хамство, белые медведи на поздравительных открытках с Новым годом приходили к нему когда-никогда.

Но не всегда они.

Однажды, когда он шел с пляжа к трамвайной остановке, молодая гражданочка оставила своего спутника, грузного полковника, и подошла к нему: "Вы не Миша?". Он ответил: "Вообще-то, нет. А что?". "А вы знаете, что я могла бы сейчас позвать моего мужа? Я была у вас дома". В нем все похолодело, но Мишка обладал нахальством: "А какой вам расчет?".

И гражданка вернулась к полковнику.

Тем же летом принесли телеграмму. Соседи извещали, что мать Розалия Иосифовна умерла, и похороны завтра. Он прилетел, но на похороны опоздал. Побывал на могиле, забрал ее фото и документы, пачечку своих писем, стянутую резинкой от сигнатурки на аптекарской бутылочке, кое-что из вещей, а ненавистную мебель и остальное оставил соседям.

Больше никаких особых событий не было.

Возможность лицам еврейской национальности выехать в Государство Израиль оставила его равнодушным. А служба в милиции приучила к речи лаконичной: "А что я там не видал? Имею квартиру рядом с центром. Так или не так?" "Выслужил приличную пенсию. Я правильно говорю?" "Все могу достать. Или будете спорить?"

И тут грянула новая беда. Она появилась на пороге в образе забытой паспортистки. (Читатель помнит: "пятая графа" в паспорте и т. д.) Она попросила одолжить ей сумму.

Было известно, что завывинных погребков ритуально награждают свою охрану. Но Мишкины погребки были не из самых доходных, и он никогда не требовал, а брал, что дают. Денег у него не было.

Тогда паспортистка спросила: "Что ты мне тогда обещал, Миша? Что!.. Ты!.. Мне. Обещал!..". Повернулась и ушла.

За давностью преступления ответственность ей не грозила. Выбрать худшее для него время разоблачения было нельзя: ему дали рекомендацию в кандидаты партии и направляли в школу милиции. Крах и бесчестие! "Попытка обманным путем проникнуть в ряды и неверие в ленинскую национальную политику". В итоге — старый паспорт: "Мордкович". И старая "пятая графа". Но "не имей сто рублей, а имей сто друзей"! У компанейского Мишки они были. И он устоял. Из бригадиров не уволили. Сохранили стаж. Но об остальном пришлось забыть.

Это было время, когда почталыоны носили почту по лестницам на этажи, на булыжниках улиц подпрыгивали "Запорожцы", приемщики стеклотары летали следом за "Черноморцем" болеть на выездные футбольные встречи, самым богатым был директор китобойной флотилии "Слава" Соляник, время Кубинского кризиса, неординарного поведения премьера Н. Хрущева на Генеральной ассамблее Организации Объединенных Наций, время "Ивана Денисовича", армянского коньяка "пять звездочек", да мало ли чего еще!

Жаловаться на это время Михаилу не приходилось. В доме его просто любили. Он мог устроить так, чтобы пребывание в вытрезвителе или, например, хулиганство не стало известно на производстве, мог достать биле-

ты на матч "Милан" (Италия) – "Черноморец" (Одесса). И длилось оно до тех пор, пока Михаила Мордковича с почетной грамотой и подарком от коллектива раймилиции не проводили на пенсию.

Вынужденно расставшись с галифе и хромом, он сменил вокзал на Приморский бульвар, для чего приобрел черный двубортный с металлическими пуговицами пиджак и белые брюки. Белый же отложной воротничок оттенил иностранную матовость его лица. Не искажали облик и глубокие морщины, и посыпанные солью все еще густые волосы.

Беззаботные туристки принимали его за моряка. Они, надо полагать, охотно приняли бы предложение спуститься на фуникулере у знаменитой Потемкинской лестницы в Летний сад и посидеть в кафе. Или даже посмотреть, как устроился одинокий моряк.

От кафе с ресторанной наценкой его выручала необходимость застучать на вахту. Второй же возможностью он иногда пользовался. Но все это было уже не то.

Михаил все чаще обрекал дам на бесплодное ожидание у памятника дюку Ришелье и проводил вечера у телевизора. Бывало, снимал с полки томик стихов Маяковского, память об отце, и неторопливо читал. Или вставлял в рамку побуревшую от пролитого чая семейную фотографию.

Его комната уже никак не напоминала прежнюю. Уютные сумерки лились в распахнутое на улицу окно и пахли сладкой прелью потерявших "товарный вид" предметов торговли соседнего магазина "Фрукты. Овощи". Не получив сбыта, они находили себе дорогу к столу Михаила Мордковича в виде дешевых бутылок вина с этикеткой "Мицне". Лучшего он не мог себе позволить.

Дни его гасли, как закат за городскими крышами.

Посмотрев из Москвы "Последние. известия", он надевал соломенную шляпу, брал складной стульчик и в вылинявших галифе на подтяжках и шлепанцах выходил из душной комнаты в дворовой садик, где под старой акацией присаживался к друзьям, ее ровесникам. Разговор неизменно касался древнего слуха о неминуемом сломе дома с предоставлением жильцам самостоятельных квартир с лифтом и всеми удобствами. Или вынимал из футляра разъехавшиеся очки и покрикивал на детей: они шумели и мешали ему читать "Советский спорт".

А в кухне-коридорчике не старая еще женщина пекла на балонном газе синие баклажаны на обед.

США